

И. П. СМЕРНОВ

Глухонемой демон

(Об одном автошарже Б. Л. Пастернака в романе «Доктор Живаго»)

Если бы роман был написан в совершенно новой форме, он был бы более понятен. Но роман Пастернака, его язык кажутся традиционными, принадлежащими к традициям русской романной прозы XIX в. < > Между тем < > перед нами вовсе не роман, а род автобиографии самого Пастернака

Д. С. Лихачев

1.1. Встреча Юрия Живаго в поезде с Максимом Аристарховичем Клиновым-Погоревших никак не влияет на сюжет пастернаковского романа, не детерминирует судьбу его персонажей. Погоревших появляется в тексте, чтобы бесследно покинуть его (врученный Юрию Живаго селезень, подстреленный Погоревших, торжественно съедается в революционной Москве, знаменуя тем самым исчезновение дарителя). Но тему анархизма, намеченную при изображении Зыбушинской республики и одного из ее зачинщиков, Пастернак не обрывает. Она повторяется по ходу развития романного действия, составляя один из важных смысловых планов «Доктора Живаго».

Клинова-Погоревших сменяет в партизанских главах Вдовиченко-Черное знамя — средоточие истории анархизма, как мы постараемся доказать.

По внешности, темпераменту и биографии Вдовиченко напоминает прежде всего С. М. Кравчинского (Степняка), разделявшего в пору его бытности в кружке Н. В. Чайковского анархические убеждения П. А. Кропоткина: «Не зная ни минуты покоя, вставал с полу и садился на пол, расхаживал и останавливался посреди сарая столп русского анархизма Вдовиченко-Черное знамя, толстяк и великан с крупной головой, крупным ртом и львиной гривой, из офицеров чуть ли не последней русско-турецкой войны и, во всяком случае, — русско-японской, вечно поглощенный своими бреднями мечтатель. По причине беспредельного добродушия и исполинского роста, который мешал ему замечать явления неравного и меньшего размера, он без достаточного внимания относился к происходившему и, понимая все превратно, принимал противные мнения за свои собственные и со всем соглашался».¹

В «Записках революционера» Кропоткин отмечает энергичность и необычайную физическую силу Кравчинского (позволявшую ему разыгрывать роль пильщика во время хождений в народ), его инфантилизм (чайковцы

¹ Пастернак Б. Собр. соч. В 5 т. М., 1990 (1989—1992) Т. 3 С. 315. Далее ссылки на это издание в тексте с указанием тома и страницы.

прозвали его «Младенцем») и его беззаботное нежелание считаться с реальностью (так, он не принимал мер предосторожности, необходимых для конспиратора). Как известно, Кравчинский закончил Михайловское артиллерийское училище, а в 1875 г. оказался среди южных славян, поднявших Герцеговинское восстание против турок (что соответствует пастернаковским мотивам офицерского прошлого Вдовиченки и его вероятного участия в русско-турецкой войне). Фамилию *Вдовиченко* носил один из махновцев, командир Азовской армии. Но почему Пастернак выбрал из всех фактических имен анархистов именно это? Не потому ли, что оно может быть прочитано как анаграмма, сложенная из названия романа «*Овод*» и фамилии его автора *Войнич*? (Кравчинский дружил с Э. Л. Войнич).

Вдовиченко наделен внешними чертами не только Кравчинского, но и М. А. Бакунина. Телесная полнота и львиная голова — характерные приметы, подчеркнутые в разных словесных портретах Бакунина, начиная с того, который набросал в своих мемуарах А. И. Герцен. Но у Герцена нет словосочетания «львиная грива»,² которое Пастернак перенял из парафразирования герценовских мемуаров, предпринятого А. А. Блоком в его очерке «Михаил Александрович Бакунин».³ Впрочем, и те признаки Вдовиченки, которые в первую очередь совпадают, как кажется, с особенностями Кравчинского, не противоречат отождествлению Вдовиченко = Бакунин (например, Бакунин был офицером русской армии и сторонником панславизма, хотя и не боролся с турками непосредственно, как, возможно, Вдовиченко и, на самом деле, Кравчинский).

Третий зачинатель русского анархизма, Кропоткин, становится опознаваемым в качестве прототипа Вдовиченки, если обратить внимание на «полубурята» (3, 315) Свирида. Всегдашний спутник Вдовиченки, таежный охотник Свирид — представитель стихийного народного анархизма. По признанию Кропоткина, сделанному им в «Записках революционера», его образование в анархическую веру произошло тогда, когда он занимался этнографическими и топографическими исследованиями в пойме Амура и знакомился с социальной жизнью тамошних аборигенов, определявшейся, с его точки зрения, волей народной массы, а не лидеров. Пастернак придал Свириду ярко выраженный монгольский тип лица, соответствующий расовым признакам тех народностей, с которыми сталкивался в Сибири Кропоткин, и вменил своему персонажу роль проповедника войны: «Теперь наше дело воевать да переть напролом» (3, 318), — что интертекстуально мотивировано: Кропоткин писал о том, сколь решающей оказывается инициатива низов по ходу военных приготовлений, наблюдавшихся им у не затронутых «цивилизацией» племен.

Революционная кличка «столпа русского анархизма» отправляет читателей к следующему за эпохой Бакунина, Кравчинского и Кропоткина периоду в истории русского анархизма. Журнал «Черное знамя» был основан в Женеве в 1905 г. И. С. Гроссманом (Роциным). Во время первой русской революции члены группы «чернознаменцев» явились сторонниками самых крайних форм террора.⁴

Описание гибели Вдовиченко нацелено на то, чтобы вызвать в памяти читателей факты разгрома большевиками анархистского движения. История русского анархизма прослеживается Пастернаком на примере Вдовиченки от начала до ее вынужденной приостановки. Вдовиченко показан главным конкурентом пробольшевистски настроенного партизанского вожака Ливерия:

² Герцен пишет о Бакунине в «Былом и думах» «сам он — исполин с львиной головой, с вислоколюченной гривой» (Герцен А. И. Собр. соч. В 30 т. М., 1957. Т. 11. С. 360).

³ Блок А. А. Собр. соч. В 8 т. М., Л., 1962. Т. 5. С. 32.

⁴ Об этой группе см. подробно Avrich P. The Russian Anarchists. Princeton, 1967. P. 46 ff.

«...его влияние, соперничавшее с авторитетом Ливерия, вносило раскол в лагерь» (3, 355).

Эта романная ситуация соответствует той действительной, которая сложилась в Москве к весне 1918 г., где малочисленные большевики (насчитывавшие всего 8000 членов партии) вступили в вооруженную схватку с анархистами, быстро набиравшими общественное влияние.⁵ То обстоятельство, что Вдовиченко расстреливают вместе с настоящими пособниками белогвардейцев, затеявших заговор против Ливерия, отражает собой обычную тактику большевиков, использованную ими особенно бесцеремонно в дни Кронштадтского восстания, когда поднявшие его матросы-анархисты были обвинены государственной властью в том, что они поставили себя в услужение якобы руководившему ими бывшему царскому генералу Козловскому.⁶

Вот речь Вдовиченки перед смертью, обращенная к его другу, Бонифацию Ржаницкому: «— Не унижайся, Бонифаций! Твой протест не дойдет до них. Тебя не поймут эти новые опричники, эти заплечные мастера нового застенка. Но не падай духом. История все разберет. Потомство пригвоздит к позорному столбу бурбонов комиссародержавия и их черное дело. Мы умираем мучениками идеи на заре мировой революции. Да здравствует революция духа. Да здравствует всемирная анархия» (3, 351).

Фразеология Вдовиченки обнаруживает детальное знакомство Пастернака с московской анархической печатью и документами анархистского движения. Клеймя большевиков «опричниками», Вдовиченко перекликается с протестами, которыми газета «Анархия» заполнилась после массовых арестов анархистов, совершенных в Москве 12 апреля 1918 г. В статье из этой газеты за подписью «Андрей» читаем: «...коммунизм социалистов-государственников <...> — это монашеская скуфейка, в которую рядились Иоанн Грозный и его опричники».⁷ Несколькими днями позднее «Анархия» упрекнула Троцкого (инициатора ликвидации анархистских особняков) за то, что он «пошел <...> по стопам Грозного».⁸ Анархистский неологизм «комиссародержавие» перекочевал в речь Вдовиченки, скорее всего, из прокламации «анархистов подполья», предпринявших 25 сентября 1919 г. взрыв Московского комитета РКП в Лаврентьевском переулке: «Наша задача — стереть с лица земли строй комиссародержавия и чрезвычайной охраны...». Этот документ мог быть известен Пастернаку по издававшейся в 1920—1922 гг. «Красной книге ВЧК», посвященной разоблачению анархо-терроризма.⁹

Параллели к заключительной записке Вдовиченки в честь «революции духа» и «всемирной анархии» отыскиваются в сочинениях братьев Гординых. Одно из них (стихотворная книга) носит название «Анархия Духа (Благовест безумия в XII песнях)» (М., 1919).¹⁰ В другом они развили теорию «пананархизма», которая включала в себя, среди прочего, надежду на то, что в будущем осуществится «коммунальное владение *земным шаром*»¹¹ (в обоих случаях кур-

⁵ См. подробно, например Maximoff G. P. The Guillotine at Work Twenty Years of Terror in Russia (Data and Documents) Chicago, 1940 P. 407 ff.

⁶ Ibid P. 161 ff, разоблачение большевистской пропаганды, направленной против кронштадтцев, началось сразу же вслед за подавлением их восстания см., например Berkman A. Der Aufstand von Kronstadt (1922) // Anarchismus Theorie Kritik Utopie Texte und Kommentare / Hrsg. von A. v. Bornes und I. Brandies Frankfurt a. M., 1970 S. 182 ff.

⁷ Анархия 1918 21 апр. № 43 С. 1.

⁸ Там же 1918 24 апр. № 45 С. 1 (статья подписана псевдонимом «Н. Гордый», за которым скрывался, вероятно, А. Л. Гордин).

⁹ Цит. по Красная книга ВЧК 2-е изд. М., 1989 Т. I С. 329.

¹⁰ Эту интереснейшую апологию безумия, как нам кажется, предвосхищавшую обзриутское творчество, братья Гордины закончили уже в 1914 г.

¹¹ Братья Гордины Манифест анархистов М., 1918 С. 4. Некоторые из идей братьев Гординых проанализированы, см. Ударцев С. Ф. Власть и государство в теории анархизма в России // Анархия и власть М., 1992 С. 59 и след.

сив мой. — И. С.). Но имел ли Пастернак в виду здесь только братьев Гординых? Идеей «анархии Духа» они были обязаны Г. Ландауэру, застреленному в мюнхенской тюрьме после поражения Баварской советской республики: «*Wo Geist ist, da ist Gesellschaft. Wo Geistlosigkeit ist, ist Staat. Der Staat ist das Surrogat des Geistes*».¹² Похоже, что обращение Вдовиченки в его последней речи к *Бонифацию* было призвано ввести в роман немецкую тему: св. Бонифаций крестил германцев и был убит язычниками в 755 г. Площадку в лесу, на которой расстреливают анархистов, Пастернак изобразил как языческую святыню: «...гранитные глыбы <...> были похожи на плоские отесанные плиты доисторических дольменов <...> Здесь могло быть в древности какое-нибудь языческое капище неизвестных идолопоклонников, место их священнодействий и жертвоприношений» (3, 349).

Соблазнительно предположить, что Пастернак ассоциировал замученного солдатней Ландауэра с «апостолом Германии», ее христианским перво-мучеником. Но настаивать на этом соображении не приходится: сравнивая Вдовиченку и Ландауэра, мы остаемся в области догадки (ведь «анархия Духа» нашла себе и русских адептов). Оказались ли мы в данном случае не в состоянии точно раскрыть замысел автора, пропустив в его тексте некую деталь, которая позволила бы нам без колебаний увидеть в Ландауэре один из прототипов Вдовиченки, или же сам пастернаковский замысел был в том, чтобы построить роман, снабжающий будущего исследователя по временам принципиально недостаточными аргументами, поддающийся в каких-то из своих смысловых звеньев лишь гипотетической дешифровке, лишь гадательному прочтению, заманивающий в ловушку предположений с тем, чтобы заставить сомневаться в них?

1.2.1. Итак, Клинцов-Погоревших, теряясь по мере развития романа как индивид, все же продолжает находиться в нем как идея — анархизма. При всей традиционности, о которой писал Д. С. Лихачев, роман Пастернака скрытно инновативен: он представляет собой попытку создания **неантропоморфного текста**.

Антропоморфизм устанавливает сходство с нами всего, что нами не является, т.е. природного и божественного миров, на том основании, что предполагает автоморфизм человека, его — хотя бы относительное — равенство самому себе. Иначе говоря, антропоморфизм исходит из того, что человеческое тело самотождественно **даже** там, где его нет, где оно должно было бы уступить себя низшему или высшему, чем оно, миропорядкам. В конечном счете мы хотим сказать, что проецирование человеческого во внечеловеческое имеет психологическую подоплеку, что оно не могло бы состояться, если бы мы не были озабочены самосохранением, доведенным нами — в максимуме — до сохранения себя за нашим пределом, за границей наших тел.

В противоположность глубоко укоренившемуся в литературе (сотериологически настроенной и потому доставляющей наслаждение читателю) антропоморфизму Пастернак сконструировал роман, который отнял у человеческого тела его претензию на расширяющуюся вовне, экспансионистскую автоидентичность. Персонаж (Погоревших) выбрасывается прочь из романа, **даже** несмотря на то, что он воплощает собой идею, которая и после его исчезновения будет актуальной для текста.¹³ Позитивный смысл в романе

¹² Landauer G. Aufruf zum Socialismus (1911). Zweite vermehrte und verbesserte Auflage. Berlin, 1919 S. 18.

¹³ Из романного сюжета после недолгого участия в нем изымаются и многие иные действующие лица, см. подробно: Faryno Jerzy О разнотениях и об исчезновениях в «Докторе Живаго» (Кто куда девался и что остается в силе?) // Pasternak-Studien. I Beiträge zum Internationalen Pasternak-Kongress 1991 in Marburg / Hrsg. von S. Dorzweiler und H.-B. Harder München, 1993 S. 41 ff. (Marburger Abhandlungen zur Geschichte und Kultur Osteuropas Bd. 30)

(эпизод сна Юрия Живаго в лесу) обретает натуроморфность человека, его способность стать неотличимым от природы. Конечно же, в своей неантропоморфности роман отвечает никогда не покидавшему Пастернака убеждению в том, что утрата себя ценнее для индивида, чем желание во что бы то ни стало законсервировать «я».¹⁴ Думая таким образом, Пастернак полемизировал со Спинозой, выдвинувшим в «Этике» тезис, по которому первопродетелью человека выступает самосохранение, противостоящее страстям.¹⁵ Убранный из романа Погоревших и культивировавший разрыв с собой автор этого романа имеют нечто общее. Что именно?

1.2.2. Прежде чем ответить на этот вопрос, заметим, что положительная сторона пастернаковского отказа от антропоморфизма не исчерпывается только натуроморфизмом. Пастернак утверждает примат темы героя над телом героя. Связность романного текста обеспечивается не за счет единства персонажа, попадающего в разные ситуации, но благодаря помимолечной сопоставимости разных персонажей в почти одних и тех же обстоятельствах (например, идейный анархист Погоревших — охотник-любитель, а стихийный анархист Свирид — охотник-профессионал). Слово с абстрактным значением («анархист», «охотник» и т.п.) превосходит в «Докторе Живаго» по своему сюжетному весу слово, изображающее человека в его неповторимости, индивидуальности. Роман написан как бы надчеловеческим словом, каковое есть Логос (не случайно Живаго видит в Откровении Иоанна, в передаче Божьей речи, прообраз всякого большого искусства). Будучи сопоставлено Логосу, пастернаковское слово хотя и не творит мир, как подлинно божественный глагол, но все же охватывает данное нам в истории в наибольшем объеме: так, Вдовиченко концентрирует в себе анархизм в самых разных его персональных проявлениях. Неантропоморфный по одному счету, текст Пастернака **теоморфен** — по другому. Религиозно-философский роман нашел у Пастернака соответствующую содержанию словесно-сюжетную форму — свое **завершение**.

И «Доктор Живаго» оказался при этом **анархией** текста. Не в том смысле, разумеется, что роман хаотичен. Но в том, что он не воссоздает устроенный человеком, институционализированный порядок. «Доктор Живаго» есть текст, где нет власти. Анархический текст не аналогичен государству, в отличие от традиционных романов, — во многих случаях он не властен над населяющими его индивидами, продолжающими неведомую читателям судьбу, как Погоревших, где-то вне литературы. Пастернаковский человек анар-

¹⁴ О значении самоотказа для Пастернака см. подробно Гаспаров Б. *Gradus ad parnasum* (Самосовершенствование как категория творческого мира Пастернака) // Wiener Slawistischer Almanach. 1992. Bd 29 S 75 ff

¹⁵ Здесь не место рассматривать все этапы долгой тяжбы Пастернака со Спинозой по поводу страстей (аффектов), укажем лишь на то, что этот спор открылся в «Сестре моей — жизни» («Определение творчества»), был продолжен в «Охранной грамоте» (там, где была поставлена проблема поколений) и нашел завершение в романе — в суждениях Юрия Живаго о революции как о Боге, спустившемся на землю и тем даровавшем людям свободу безумной саморастра- ты. Напомним в связи с мыслями Живаго, касающимися революции, о главных положениях контрастного им нравственного учения Спинозы, который считал, что Бог не ведает страстей, что задачу человека в его разумной любви к Богу (*Amor Dei intellectualis*) составляет преодоление аффектов и, следовательно, спасение себя в приближении к бесстрастному вечному Началу всего сущего. Бог революции в пастернаковском романе страстен (и поэтому эквивалентен вызывающей страсть заглавного героя Ларе «За своим плачем по Ларе он (Живаго — И. С.) оплакивал также то далекое лето в Мелюзее, когда революция была тогдашним < > Богом » (3, 448)), пастернаковский человек в верховном своем (бунтующем) проявлении безрассуден и не подчинен общему принципу разумной нравственности «каждый сумасшествовал по-своему и жизнь каждого существовала сама по себе, а не пояснительно-иллюстративно, в подтверждение правоты высшей политики» (Там же)

хически мультииндивидуален (он — и Погоревших, и Вдовиченко), коллективен, социален вне государственной (по Гоббсу) сверхличности.

Постмодернизм нашел бы в Пастернаке и врага, и союзника. Тогда как постмодернисты отрицают логоцентризм (Ж. Деррида, «О грамматологии», 1967), Пастернак руководствуется Логосом. В то же время пастернаковский индивид точно так же, как шизоидный человек, проанализированный Ж. Делезом и Ф. Гаттари («Анти-Эдип», 1972), расколот, множествен, анархичен в своей несводимости к одному телесному облику и в следующей отсюда нетрансцендируемости индивидуального в государственное.

Пастернак — анархист? Да, религиозный (сектантски-православный) анархист в традиции Льва Толстого. Чтобы доказать сказанное, разберемся в Клинцове-Погоревших.

2.1.1. Погоревших — одна из самых загадочных и сложно задуманных фигур в пастернаковском романе, образованная из отсылок как к литературным, так и к фактическим прототипам.

О литературных предшественниках этого персонажа в романах Достоевского мы уже писали.¹⁶ Когда Устинья на митинге в Мелозееве сравнивает глухонемого Погоревших с вещающей Валаамовой ослицей, она воспроизводит слова Федора Павловича Карамазова, сказанные им Алеше: «„ — У нас валаамова ослица заговорила, да как говорит-то, как говорит!“». Валаамовою ослицей оказался лакей Смердяков».¹⁷

На сходство Погоревших с младшим Верховенским пастернаковский роман наводит нас без обиняков: «Опять запахло Петенькой Верховенским, не в смысле левизны, а в смысле испорченности и пустозвонства» (3, 162).

Пастернак сделал Погоревших уголовной тенью революционера (Ивана Карамазова) и отрицательным революционером (списанным Достоевским с анархиста Нечаева). Обреченные Пастернаком на глухонемому «бесью» Достоевского (ср. в «Докторе Живаго»: «Что за чертовщина? <...> что-то читанное, знакомое» (3, 158)) становятся в один ряд с «демонами глухонемыми» Ф. И. Тютчева. Тем самым Пастернак связывает Погоревших с тайной высшего ранга (*magnum ignotum*):

Одни зарницы огневые,
Воспламенясь чередой,
Как демоны глухонемые
Ведут беседу меж собой

И вот опять все потемнело,
Все стихло в чуткой темноте —
Как бы таинственное дело
Решалось там — на высоте!¹⁸

Тексты Достоевского и Тютчева только отчасти объясняют Клинцова-Погоревших. Еще одно смыслообразующее начало состоит здесь в том, что Погоревших — собирательный образ футуриста (ср.: «„Сейчас он футуристом отрекомендуется“, — подумал Юрий Андреевич, и действительно, речь зашла о футуристах» (3, 162)). Свое редкое отчество, *Аристархович*, Погоревших перенял у Большакова, которого Пастернак прославил как второго Маяковского в «Охранной грамоте».¹⁹ Одна из двух фамилий пастернаков-

¹⁶ Смирнов И. П. Порождение интертекста (Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака) Wien, 1985 S. 62 ff (Wiener Slawistischer Almanach Sonderband 17)

¹⁷ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1976 Т. 14 С. 114

¹⁸ Тютчев Ф. И. Лирика М., 1965 Т. 1 С. 205

¹⁹ См. также Смирнов И. П. Двойной роман (о «Докторе Живаго») // Wiener Slawistischer Almanach 1991 Bd 27 S. 121—122

ского героя, *Погоревших*, соотносима по смыслу с названием сборника стихов эгофутуриста Рюрика Ивнева «Самосожжение» (1913, 1917), деятельного автора газеты «Анархия». Имя Погоревших, *Максим*, не следует толковать однозначно, но если уж приняться интерпретировать его, то нельзя не упомянуть, среди прочего, псевдоним *Махит*, которым пользовался Рюрик Ивнев в «Анархии». Морфологически фамилия *Погоревших* близка фамилии *Крученых*. Дядя-революционер объединяет пастернаковского героя с В. Шершеневичем (племянником видного члена кадетской партии²⁰).

В главе о Погоревших Пастернак возвращается к тому, в чем он однажды уже обвинил Шершеневича. В статье Пастернака «Вассерманова реакция» (1914) Шершеневич был выставлен «самозванцем», представителем «ложного футуризма», подражателем, который, сообразно своему имитационному (осужденному Пастернаком вслед за «Политейей» Платона) дару, прибегает к необязательным переносам значений по сходству, вместо того чтобы отдать предпочтение смежности (4, 350—353). В статье Пастернак вел речь о «сурьезной глухоте» (4, 353) Шершеневича и о его неспособности ни к чему, кроме «праздной симуляции» (Там же), — ср. глухонемому Погоревших, который тем не менее воспроизводит и воспринимает речь.²¹ Рисуя Погоревших, Пастернак прибегает к редчайшему в мировой литературе приему преодоленной немой сцены.²²

2.1.2. Анархистствующий футуризм, персонифицированный Клинцовым-Погоревших, Пастернак возводит к сочувствовавшему анархизму Герцену Пастернаковский глухонемой, научившийся распознавать движение губ собеседника, совпадает с сыном Герцена, преодолевшим тот же недостаток, что и у Погоревших, в специальной щорихской школе, где он начал говорить по-немецки. Становится понятным, почему в фонетику Погоревших примешивается то ли французская, то ли немецкая: «...по всему русский, он одну гласную, а именно „у“, произносил мудреннейшим образом. Он ее смягчал наподобие французского „u“ или немецкого „u Umlaut“» (3, 158).

Не различая разрушение и творчество, Погоревших следует знаменитому бакунинскому афоризму, но считая, что русская революция пока не была безоговорочно деструктивной («Общество развалилось еще недостаточно. Надо, чтобы оно распалось до конца, и тогда настоящая революционная власть соберет его на совершенно других основаниях» (3, 163)), он почти буквально цитирует антибольшевистские вариации на тему Бакунина из газеты «Анархия»: «Но разрушение и теперь еще не кончено, не все камни рассыпались <...> надо стараться разрушить возможно больше камней, чем больше их будет разрушено, тем больше будет материала для созидания»²³

Третья выдающаяся фигура в истории мирового анархизма, которой Погоревших причастен, как Герцену и Бакунину, хотя и иначе, чем этим

²⁰ Шершеневич В. Великолепный очевидец. Поэтические воспоминания 1910—1925 гг. // Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариненгофа, Шершеневича, Грузинова М., 1990. С. 497—498. Шершеневич (в «Раннем утре») и Рюрик Ивнев (в «Анархии») связали себя в 1918 г. литературной полемикой, разыгравшейся по поводу статьи Шершеневича, которая порицала Блока и Маяковского за их сотрудничество с большевиками.

²¹ Увлечение Клинцова-Погоревших анархизмом, футуризмом, а также спортом передает то содержание, которым была наполнена издававшаяся в 1918 г. в Москве газета «Жизнь и творчество русской молодежи» (ср. настойчивое именование Клинцова-Погоревших «молодым человеком»). Пастернаковский роман о революции газетов, как и произведения о ней Достоевского. К вопросу «Пастернак и газета» см. подробно Флейшман Л. Борис Пастернак в тридцатые годы. Jerusalem, 1984. *passim*.

²² Немые сцены (arosiopese) тщательно исследованы, см. Kotzinger S. Der Diskurs des Erhabenen bei Gogol und die longinsche Tradition. 1994 (ms).

²³ Коробка Б. «Дух разрушающий есть в то же время и дух созидующий» // Анархия. 1918. 5 марта. № 11. С. 2.

двум, — Г. Ибсен. На то, что подбитые Клиновым-Погоревших утки интертекстуально соотносятся с пьесой Ибсена «Дикая утка», уже давно обратил внимание Р. Л. Джексон.²⁴ Наше толкование ибсеновского подтекста в «Докторе Живаго» несколько отступает от того, что было дано прежде. В пьесе Ибсена девочку-подростка уговаривают пожертвовать живой уткой с тем, чтобы она могла вернуть любовь того, кого она считает отцом, — вместо этого она кончает самоубийством. Проведенную Ибсеном анархистскую критику буржуазной семьи, чьей жертвой становится ребенок, Пастернак обращает на анархизм. Погоревших несет идейную ответственность за то, что в его анархистской республике было совершено убийство юного комиссара Гинца («в делах младенца», «еще ребенка» (3, 144)). Соответственно интертекстуальному переходу от женской жертвы к мужской (intertextual genderschift) Погоревших дарит Юрию Живаго «дикого селезня» (3, 165).

Почему Живаго принимает этот подарок?

2.2.1. Раскроем, наконец, наши карты. Изображая Клинова-Погоревших, Пастернак рассчитывался и со своим анархо-футуристическим прошлым. Автобиографизм пастернаковского романа распространяется на его отрицательных персонажей.

Пастернак снабдил Клинова-Погоревших рядом собственных черт. Как и автор романа, Погоревших из-за физического недостатка не был призван в солдаты. Но он меткий стрелок — опять же, как Пастернак, отличавшийся на стрелковых учениях в Переделькине в 1941 г.²⁵ В этом освещении глухонмота Погоревших может быть сопряжена не только с дефектом сына Герцена, но и с отсутствием абсолютного слуха у Пастернака и с вызванными крахом его композиторской карьеры стихами: «Я в мысль глухую о себе Ложусь, как в гипсовую маску» (1, 503).²⁶ Косвенный автобиографизм Пастернак вкладывает во вторую фамилию Погоревших, *Клинов*. В Клинцах (посаде Сурожского уезда Черниговской губернии, основанном старообрядцами Епифановского согласия) проводил свои летние каникулы близкий друг Пастернака, К. Г. Локс, которому было посвящено стихотворение со значимым для нас названием «Близнец на корме». Клинов, следовательно, — и Пастернак, и его студенческий товарищ. Зыбушино в «Докторе Живаго», будучи местом действия Клинова²⁷ («Зыбушино всегда было источником легенд и преувеличений. Оно стояло в дремучих лесах <...> Притчей

²⁴ Jackson R. The Symbol of the Wild Duck in «Dr Zhivago» // Comparative Literature 1963 Vol 15, N 1 P 39 ff. Изучение мотива уток и охоты у Пастернака было продолжено, см. Vishniak V. Pasternak's Roslyj strelok and the Tradition of the Hunter and the Duck // Irish Slavonic Studies 1986 N 7 P 53 ff.

²⁵ О Пастернаке-стрелке и охотнике см. Флейшман Л. Борис Пастернак в двадцатые годы. Munchen, [1981] S. 55—56.

²⁶ «Погоревших был феноменально способным воспитанником школы Гартмана или Остроградского» — значитесь в романе (3, 162) А. Ф. Остроградский — известный директор училища глухонемых в конце XIX—начале XX в. Нам не удалось, однако, разыскать Гартмана среди тех, кто прославился в России борьбой с глухонмотой. Даже если в их числе и был некий Гартман, он не был столь популярен, как А. Ф. Остроградский. Какого Гартмана называет здесь Пастернак? Не своего ли марбургского учителя, философа Н. Гартмана? Это предположение не покажется безудержной фантазией, если обратиться к «Охранной грамоте». Мысль о разрыве с марбургской философией вызывает у героя этого текста в поезде, в котором он едет вместе с охотником, чиновником «лесного департамента с ягдташем через плечо и ружьем на дне вещевой сетки» (4, 183) Охотник в «Охранной грамоте» — alter ego студента второй жертвует философией, первый приносит в жертву животных. Оглядываясь на ранний автобиографический очерк Пастернака, мы получаем право сказать, что в «Докторе Живаго» воспроизводится двойничество разочаровавшегося в своем призвании философа, воспитанника Н. Гартмана, с охотником.

²⁷ В Клинцах, кстати сказать, существовала сильная анархистская ячейка.

во языках были состоятельность его купечества <...> Некоторые поверья <...> отличавшие эту, западную часть прифронтовой полосы, шли именно из Зыбушина. Теперь такие же небышцы рассказывали про главного помощника Блажейко» (3, 133)), пересекается во многих своих признаках с Клинцими, как их описал Локс в мемуарах «Повесть об одном десятилетии»: «В Клинцах <...> можно было <...> обозреть <...> несколько суконных фабрик <...> Они-то и были одним из звеньев благосостояния местного населения <...> Кругом высоким тыном стояли глубокие брянские леса, раскольники обосновались в их дебрях и <...> занялись рукоделием и торговлей <...> В лесу Гаврила <...> завел речь о пожарах и вспомнил бабушку Федосью, заговаривавшую огонь. Горела деревня, подожженная молнией, бабушка Федосья провела прутом по стене горевшего амбара, и огонь, дойдя до указанной ему черты, остановился (ср. еще раз вне футуристического контекста: *Погоревших*. — И. С.). Я слушал обо всех этих чудесах, вспоминая „мифотворчество“, произносившееся в московских салонах...»²⁸

Привнесение автобиографичности в карикатуру на анархиста объясняется тем, что Пастернак опубликовал в 1918 г. в газете «Знамя труда» проникнутую анархистской идеологией сценку «Диалог».

Герой «Диалога» попадает из коммунистической России, где нет собственности, в буржуазную Францию и, забывшись, съедает на рынке дыню, не заплатив за нее, что полицейские принимают за кражу. Во Франции пастернаковский герой объясняется, среди прочего, жестами (ср. карточку с изображением жестовой азбуки глухонемых, которую вручает Юрию Живаго Погоревших). Буржуазной «оседлости духа» (4, 492) анархист из «Диалога» противопоставляет свободно блуждающую по миру духовность (точно так же несущественно местонахождение и для Погоревших, который заявляет, что Зыбушино было «безразличной точкой приложения его <...> идей» (3, 163)).

«Диалог» реализует сюжетную формулу Прудона, которая сделалась первотолчком для европейского анархизма XIX—XX вв.: «Qu'est-ce que la propriété? <...> C'est la vol». Проблема гения, над которой бился Прудон, проектируя общество равных в «Что такое собственность?», решается Пастернаком в «Диалоге» так, что гениальным в анархическом мире оказывается каждый: «Все гениальны, потому что <...> отдают всего себя...» (4, 492). В романе Пастернак возвращается к Прудону, когда Погоревших заявляет: «У меня нечего красть» (3, 159).

2.2.2. Живаго наследует Клинцову-Погоревших по мере движения романских событий как анархисту. Он тоже анархист, но не бакуинец или анархо-индивидуалист, а толстовец. Попав к партизанам, он говорит их начальнику о программе его курсов для бойцов: «Все, что у вас сказано об отношении воина народной армии к товарищам, к слабым и беззащитным, к женщине, к идее чистоты и чести, это ведь почти то же, что сложило духоворческую общину, это род толстовства, это мечта о достойном существовании, этим полно мое отрочество» (3, 334).

Но Ливерий не отвечает идеалам Живаго. Может показаться странным, что религиозный Живаго, озлобясь на Ливерия, называет его именем одного из отцов церкви: «Завел шарманку, дьявол! Заработал языком! <...> Заслушался себя, златоуст, кокаинист несчастный <...> О, как я его ненавижу. Видит Бог, я когда-нибудь убью его» (3, 336). Пейоративное использование имени Иоанна Златоуста не будет, однако, удивлять, если учесть толстов-

²⁸ Локс К. Повесть об одном десятилетии (1907—1917) / Публикация Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова // Минувшее. Исторический альманах, 15. М., СПб., 1994. С. 84, 86.

ский анархизм Юрия Живаго. В трактатах «В чем моя вера?» и «Царство Божие внутри вас» Толстой обвинил Иоанна Златоуста в том, что именно он извратил учение Христа в реформаторском учении о церкви воинствующей.²⁹ Выводя Ливерия-Златоуста наркоманом, Пастернак усматривает в официальной религии то же, что Маркс («...опиум для народа») и Новалис (источник Маркса): «Ihre sogenannte Religion wirkt bloß, wie ein Opium...»³⁰ Дезертируя из партизанского лагеря, Живаго откликается на духоборство³¹ и на пацифистские призывы Толстого, склонявшего своих сторонников к непослушанию в случае воинской повинности.

Живаго — не только Пастернак, но все же, бесспорно, рупор пастернаковских идей. Как религиозный анархист Живаго извиняет Пастернака за его увлечение в молодости Прудоном. Но будучи вторым Клинцовым-Погоревших, удерживая в себе, а не просто зачеркивая отрицая, пастернаковскую молодость, Живаго умирает не как толстовец, а как анархо-коммунист 1918 г.³² Смерть Живаго в трамвае синтезировала множество литературных и философских ассоциаций Пастернака, которые в значительной части уже раскрыты.³³ Но помимо них, есть здесь и фактичность: умирая в трамвае около Никитских ворот в давке, Живаго разделяет судьбу Мамонта Дальского (М. В. Неелова). Мамонт Дальский погиб в том же месте Москвы, где и Живаго, хотя и не рядом с трамваем, а под его колесами. Приведем выдержку из одного из некрологов, посвященных этой ярко анархической личности (участника группы анархо-коммуниста и борца против войны Александра Ге): «Когда артист проезжал на трамвае по Б. Никитской ул., против Чернышевского пер., то вследствие сильной тесноты его кто-то столкнул с площадки, и он попал под колеса вагона».³⁴

Анархический текст Пастернака сопротивляется стараниям однозначно идентифицировать смысл его героев.³⁵

²⁹ См., в первую очередь Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1957 Т. 23 С. 343 и след.
³⁰ Novalis Werke in einem Band München, Wien, 1981 S. 460

³¹ Когда Живаго старается стрелять мимо наступающих на партизан белых, он исполняет духоборское правило, по которому призванные в армию не должны были целиться в людей (ср. Wright J. F. C. Slava Bohu The Story of the Dukhobors New York, Toronto, 1940 P. 48)

³² Приобщенный авторскому началу в романе, Живаго оказывается в почти той же ситуации, что и рассказчик в «Бесах» Достоевского, один из «бесов», человек из кружка Верховенского-старшего, который бросается подобрать «портфельчик», нарочно уроненный Кармазиновым (Тургеневым). Живаго спасает «видного политического деятеля» (З, 187), у которого бандиты украли портфель.

³³ Ср. Смирнов И. П. Антиутопия и теодицея в «Докторе Живаго» // Wiener Slawistischer Almanach 1994 Bd 34 S. 177 (здесь приведена литература вопроса)

³⁴ Раннее утро 1918 9 июня (27 мая) № 103 С. 3

³⁵ Автор сердечно признателен И. Р. Деринг-Смирновой, Е. Г. Водолазкину, Е. В. и Е. Б. Пастернакам, Г. Г. Суперфину и Л. С. Флейшману за разнообразную помощь в работе над этой статьей